

306
15
306
33
15.25
7-75

4
33
22
23

1
306
1917

ОТЕЧЕСТВО ВЪ
ОПАСНОСТИ.

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 60 К. И НА СТ. 70 К.
РОЗН. ПРОДАЖЬ ЖЕЛ. ДОР.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 40

НОЯБРЬ. 1917

Рис. Ре-ми.

МОДНАЯ ИГРА ВЪ ШМЕНЬ-ДЕ-ФЕРЬ.

Керенскій: — Могу опять открыть „пятерку“.
Буржуй: — Не мало ли? Можеть, прикупите?
— Нѣтъ, останусь съ пятеркой.
— Дѣло ваше. У меня есть только „жирь“ — и я все-таки выиграю!

Гос. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
П 1969 акт Р П-475/2 cx-6175

Вся Россія увлекается сейчас азартной игрой
въ карты.

МОДНЫЙ КОРОЛЬ НА ТРОНѢ.

БУРЖУАЗНЫЙ ДУХЪ.

Я — буржуа. Лупи меня, и гни,
И рѣжь! Въ торжественные дни,
Когда на улицахъ, отъ страха помертвѣлыхъ
Шла трескотня —
Въ манжетахъ шелъ я бѣлыхъ.

Вотъ главное. О мелочахъ потомъ.
Я наберу ихъ томъ.
Воротничокъ былъ грязенъ, но манжеты
Недаромъ здѣсь цинично мной воспѣты:
Бѣлы, крахмальны, туги...

Я — нахаль.
Нахально я манжетами махаль.

Теперь — о роскоши. Такъ вотъ: я моюсь мыломъ.
Есть зеркало, и бритва есть, «жилетъ»,
И граммофонъ, и яблоки «ранеть»;
Картины также: «Вій» и «Одалиска»,
Да акварель: «Омаръ», при немъ сосиска.

Всего... все трудно даже перечестъ:
Жена играетъ Листа и Шопена,
А я — съ Дюма люблю къ камину сѣсть,
Иль повторить у По про мысль Дюпена;
Дюма даетъ мнѣ героизмъ и страсть,
А Эдгаръ По — надъ ужасами власть.

У насъ есть дѣти, двое... Ихъ мечта —
Бѣжать въ Америку, за скальпами Гуроновъ;
Увѣренъ я, что дѣтскія уста
Лепечуть: «Хугъ!» не просто, нѣтъ. *Бурбоновъ*,
Сторонниковъ аннексій я растилъ!
Молю Всевышняго, чтобъ онъ меня простилъ.

Мы лѣтомъ всѣ на дачѣ. Озерки
Волшебное, диковинное мѣсто;
Хотя цѣна на дачу не съ руки
И дача не просторнѣе насѣста,
Но я цинично заявляю всѣмъ:
На дачѣ! Ягоды! Въ блаженствѣ тихомъ ѣмъ!!

Вотъ исповѣдь. Суди. Потомъ зарѣжь.
Я оправданій не ищу, не надо.
Къ «буржуйности» я шелъ сквозь «не доѣшь»,
Сквозь «не доспи», сквозь всѣ терзанья ада
Разсчетовъ молочныхъ. Подчасъ, стирая самъ,
Я ужиналъ... рукою по усамъ.

Я получаю двѣсти два рубля.
Жена уроками и перепиской грабитъ,

Какъ только носить насъ еще земля?!
Какъ «Правда» насъ въ конецъ не испохабитъ?!
Картины... книги... медальонъ... дрова!
Ужасная испорченность... ва-ва!

Упорны мы! Пальто такое «клошъ»
Со скрежетомъ купили, хоть рыдали;
За «Одалиску» мерзли безъ калошъ,
А за «Омара» полуголодали.
Вотще! Оглохъ нашъ къ увѣщаньямъ слухъ...
Елико силенъ буржуазный духъ!

А. С. Гринь.

ПРОГУЛКА ДІЕГО.

Фельетонъ Арк. Бухова.

Послѣ долгихъ лѣтъ испытаній въ аду, медленнаго и
упорнаго кипѣнія и горѣнія на кострахъ въ котлахъ разныхъ
системъ, средневѣковый рыцарь донъ Діега Санта-Роза Пиччи-
катто Тубероза рѣшилъ воскреснуть.

— Воскреснуть? — спросилъ его дежурный чортъ, —
это можно. Только съ соблюденіемъ формальностей и съ
указаніемъ будущаго мѣста жительства.

— Дайте проходное свидѣтельство въ Россію. Туда и
обратно, — подумавъ, попросилъ донъ Діега. — Вотъ стра-
на, гдѣ сейчасъ нужны рыцари.

— Правда, — вставилъ чортъ, — эта страна нуждается
еще во многомъ, но если вы настаиваете...

— Почти.

Діега было выдано свидѣтельство на обратное возвраще-
ніе на землю, чортъ оторвалъ талонъ отъ свидѣтельства, за-
писалъ номеръ, пожалъ руку и отпустилъ Діега.

— Иди, иди, воскрешайся.

* * *

Былъ ранній вечеръ, когда Діега очутился на глухой ули-
цѣ Петрограда и съ радостью почувствовалъ, что онъ живъ.
Въ дорывѣ счастья, онъ схватилъ какого-то прохожаго за
руку и весело сказалъ на доселѣ еще незнакомомъ ему языкѣ:
— О, гражданинъ, я живъ! Я — живъ!

Схваченный за руку хмуро посмотрѣлъ на Діега и по-
жалъ плечами:

— Нашли кому жаловаться. Сами живы. Которые по-
умнѣе, тѣ устроились, — похоронились. Взять хоть дядю
моего — шестой годъ въ покойникахъ. Улизнулъ, мерза-
вецъ...

Діега недоумѣнно посмотрѣлъ на собесѣдника и глухо
прошепталъ:

— А я столько лѣтъ былъ приписанъ къ аду...

— Ну, и что? — быстро спросил тот. — Это освобождает?

— Отъ чего?

— Да вы кто, — ратникъ или бѣлобилетникъ?..

— Я рыцарь... — скромно отвѣтилъ Діего.

— Ага...

Прохожій насмѣшливо улыбнулся и зашагалъ дальше, бросивъ черезъ плечо:

— Направо не ходите. Тамъ на васъ облава. Человѣкъ триста уже зацѣпили...

Діего остался на улицѣ одинъ.

— Съ чего начать? — грустно подумалъ онъ. — О, донъ Діего Санта-Роза Пиччикатто Тубероза, странствующій рыцарь Испаніи... Начни съ того, съ чего ты всегда начиналъ свои приключенія...

Діего вынулъ изъ-подъ плаща гитару, подошелъ къ окну перваго этажа и заплѣлъ чувствительный, красивый романсъ. Это былъ такой страстный романсъ, что въ Испаніи отъ него одного дѣвушки начинали чувствовать себя матерями. Діего спѣлъ его уже четыре раза, и только когда онъ настойчиво повторилъ послѣднюю фразу: «Жду тебя, жду тебя, отвори окно, любя», форточка въ окнѣ приотворилась, и Діего услышалъ за окномъ сдержанные голоса:

— Это къ тебѣ, Маруся. Выгляни все-таки, — вдругъ это Яковъ Соломоновичъ поетъ. Масла можно попросить.

— Ну, да, будетъ онъ пѣть. У него дома піанола, пойдеть онъ по улицамъ шляться съ гитарой...

Діего понялъ, что пора вмѣшаться.

— О, Марія, — страстно произнесъ онъ, — тебѣ запрещаетъ выглянуть твой ревнивецъ мужъ? Хочешь, я заколю его шпагой?

— Нѣтъ, Марія этого не хочетъ, — тоненькимъ голосомъ отвѣтилъ мужъ. — Мы и въ гости позвать не можемъ. Сами знаете, сахаръ нынче по рукамъ ходитъ три двадцать фунтъ...

— Ревнивецъ, — вскричалъ Діего, — я осыплю тебя золотомъ...

— Есть разговоръ, — быстро откликнулся мужъ, — почему за золотой? За пятирублевый больше семи съ полтиной не дамъ...

Діего подумалъ и снова заплѣлъ.

— Можетъ быть, это сумасшедшій? — послышался голосъ жены.

— Если бы, — съ надеждой въ голосѣ вздохнулъ мужъ, — все было бы легче. А то просто жуликъ.

— Зачѣмъ же пѣть-то онъ началъ...

— Можетъ быть, для того, чтобы его сразу за жулика не приняли, а можетъ это у нихъ теперь такая манера, — поетъ-поетъ, а потомъ все серебро вынесетъ...

Діего поплѣлъ еще.

— Ничего, проголодается — перестанетъ, — замѣтила Маруся и захлопнула форточку.

Діего ушелъ.

«Рано началъ, — подумалъ онъ, — насчетъ любви это послѣ надо. Теперь попробую пока за обездоленныхъ заступиться...»

На сосѣдней улицѣ Діего увидѣлъ толпу, которая медленно и весело добивала какого-то человѣка.

— Что вы дѣлаете? — въ ужасѣ закричалъ Діего.

— Самосудимъ, — охотно отвѣтили изъ толпы, не отрываясь отъ работы.

— Но вѣдь васъ много, а онъ одинъ!

— Чуждакъ человѣкъ! Если бы его было много, а насъ — одинъ, такъ онъ бы насъ обрабатывалъ...

— Позвольте, да за что же вы его?

— А онъ бѣжалъ.

— Да какъ еще, — съ крикомъ. Вотъ отъ этого, который въ котелкѣ...

Діего обнажилъ шпагу, бросился къ избиваемому, всталъ около него и спросилъ:

— Гражданинъ! Почему вы бѣжали отъ этого добраго человѣка?

Тотъ поддержалъ выпадающую глазъ, поднялъ съ земли оторванное ухо, попробовалъ приставить его къ надлежащему мѣсту и съ грустью покачалъ головой:

— Чисто обработали. И за что? Вырвалъ онъ у меня кошелекъ и на меня же набросился...

— Вы слышите, граждане? — обратился Діего къ толпѣ, — этотъ человѣкъ воръ!

— Воръ?! — ахнула толпа, — а мы то... а мы то...

Въ слѣдующую минуту вора бережно несли къ канавѣ, рассчитывая по интуиции, что здѣсь самое глубокое мѣсто. Воръ вертѣлся въ рукахъ, извивался и наконецъ набравшись силы, крикнулъ:

— Не я это, братцы, а Иванъ Захарычъ...

— А гдѣ Иванъ Захарычъ? — спросили изъ толпы.

Воръ оглядѣлся кругомъ, увидѣлъ какую-то толстую женщину въ платкѣ и увѣренно сказалъ:

— Вотъ. Она и есть.

Женщину уже тянули за ноги и за голову въ противоположныя стороны, стараясь не сойтись въ направленіяхъ.

Діего рѣшительно запротестовалъ.

— Женщину бить нельзя, — сурово замѣтилъ онъ.

— Кому нельзя, а кому можно. Равноправіе, такъ это ей, а бить такъ это нашего брата? Попили нашей кровушки!

Какой-то человѣкъ, которому было некогда, просто показалъ на Діего и рѣшительно сказалъ:

— Бей его... Чего тамъ...

Черезъ полчаса Діего сидѣлъ на землѣ, щупалъ бока и доказывалъ какимъ-то незнакомымъ людямъ:

— Я же иностранецъ... Испанецъ я...

— Можетъ еще союзникъ? — хмуро спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Союзникъ, — рѣшительно схватился Діего.

— Такъ, такъ... Войну затягиваете? Нужно милицію позвать...

— Позовите, — попросилъ Діего, — пусть она меня возьметъ... Ой, ой... Ну, и бьютъ же у васъ... Ой...

Изъ толпы къ Діего приблизился какой-то человѣкъ и ласково шепнулъ:

— Знаете, что? Если вы будете кричать, такъ вамъ придется самому арестовываться... У насъ всегда такъ, — крикнуть, только испугаютъ милиціонера, а потомъ письма въ редакцію пишутъ, почему милиціи въ это время нигдѣ не было видно...

* * *

Черезъ полчаса донъ Діего Санта-Роза-Пиччикатто Тубероза стоялъ передъ большимъ котломъ въ одномъ изъ

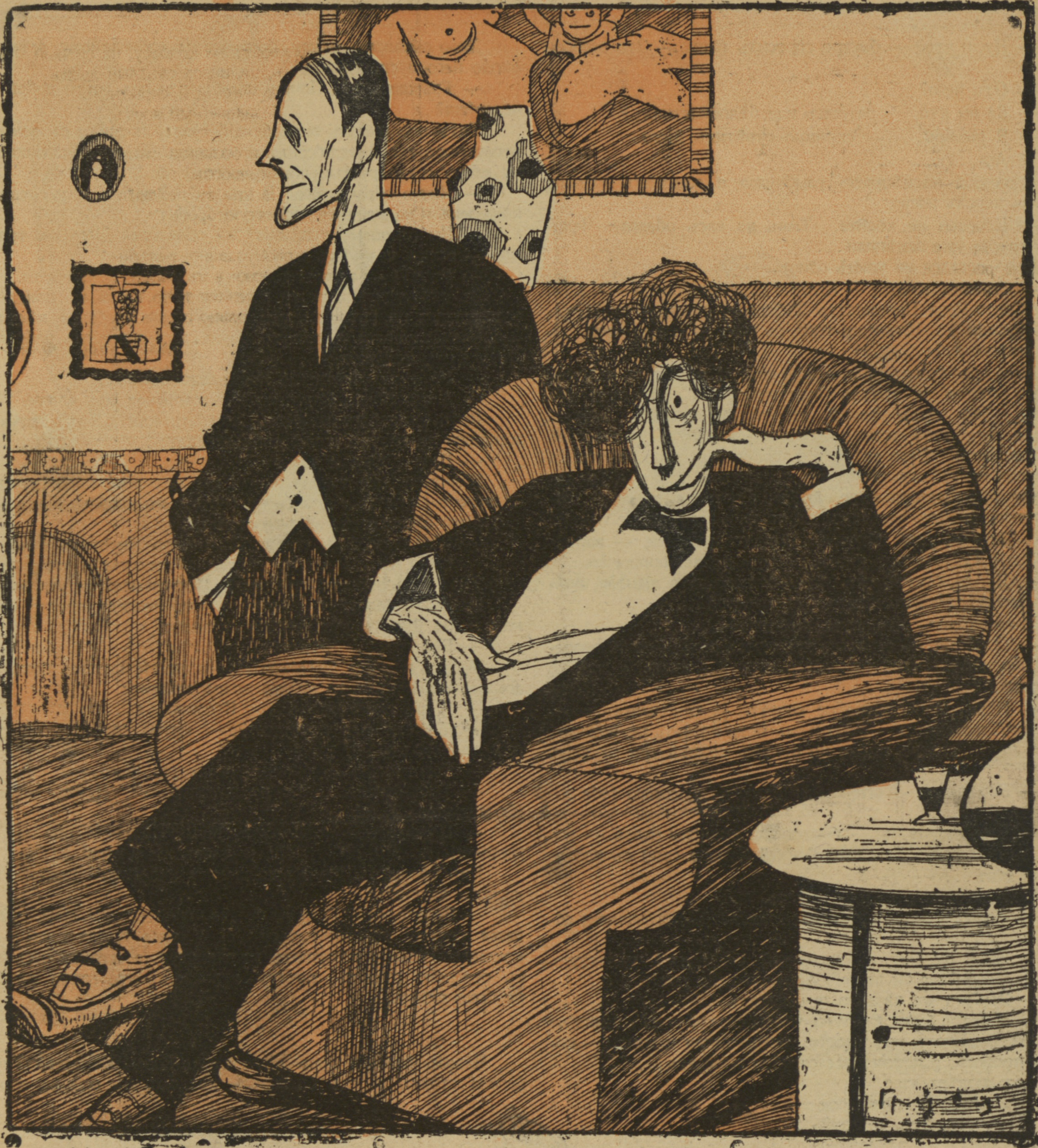
Рис. Б. Антоновскаго.

ОСТОРОЖНОСТЬ НУЖНА ВСЕГДА.

Ограбленный: — Кар-раулъ! Милиціонеръ!

Грабитель: — Ради Бога, не кричите! А то прибѣжитъ милиціонеръ — дѣлиться придется.

ЮНЫЕ ЭСКУЛАПЫ.

- Плохи дѣла!
- А я вчера на сахарѣ три рубля заработалъ.
- Въ коммерцію ударился?
- Нѣтъ, діабетику рецептъ прописалъ.

цвѣтушихъ предмѣстій ада и обиженно смотрѣлъ на большого небритаго грѣшника, который сладко потягивался и ухмылялся въ его котлѣ.

— Вы, кажется, чужое мѣсто заняли? — грубо спросилъ онъ.

— Не знаю. Меня сюда посадили. Здѣшняя администрація виновата.

«Пойду котельнаго уполномоченнаго спрошу, — подумалъ Діего, — такія ужъ порядки здѣсь. Только отлучись, — сейчасъ эти земельные бѣженцы все захватятъ...»

Арк. Буховъ.

МЫСЛИ.

Человѣческія глупости, сложенная пирамидой, превратили бы человѣчество въ фараона мудрости.

* * *

Безоблачное мышленіе — удѣлъ немногихъ. При такого рода мышленіи солнце истины можетъ обжечь до смерти.

* * *

Есть таланты — звѣзды, и есть таланты — болотные огни; чтобы полюбить болотный огонь, нужно быть застигнутымъ ночью въ болотѣ.

* * *

Всякая новая мысль подобна пчелѣ: ужаливъ, она умираетъ. Жить остается опухоль.

* * *

Кто хочетъ быть услышаннымъ черезъ десять вѣковъ, тотъ не долженъ надѣяться на человѣческую услужливость; онъ долженъ издать книгу съ каменными и желѣзными листами.

* * *

Государство всегда останется пепельницей, куда бросаются въ одну грудку окурки человѣческихъ бѣдствій; но, разбивъ пепельницу, мы не предотвратимъ появленія окурковъ, — мы только станемъ разбрасывать ихъ по всему полу.

* * *

Умная мысль, высказанная не во время, — лебедь, выпущенный ночью.

И. Окстонъ.

УАЙЛЬДЪ ВЪ ХВОСТЪ.

(Фантазія.)

«Оскаръ Уайльдъ былъ гений разговора»...
Эстетамъ Запада я подчиниться радъ —
Я вѣрю въ истину, я не предвижу спора,
Я раздѣлилъ давно ихъ просвѣщенный взглядъ.

Уайльдъ изысканный, плѣнительный и смѣлый,
Паркетовъ властелинъ, владыка эпиграммъ,
Мечты раскрывшій ослѣпительное тѣло,
Въ гостиныхъ твой приходъ желанный всѣхъ программъ.

Но что бы ты сказалъ, вождь царственныхъ кокетовъ,
Въ туманахъ Лондона мелькнувшій метеоръ,
Когда бы въ наши дни лощенаго поэта
Утроба мерзкая зашла подъ заборъ?..

Ты сталъ бы въ мерзлый хвостъ на колбасу, на ситный...
Твой черный пальмерстонъ, цилиндра свѣтлый лоскъ,
Твой профиль мудреца, задумчивый и скрытный, —
Растаяли въ толпѣ, какъ беззащитный воскъ...

И злыя женщины, въ когтяхъ большой столицы
Оставившія сонъ, и ласку, и любовь,
Порвали съ руганью твои цвѣты въ петлицѣ,
До крови разсѣкли приподнятую бровь...

Самъ городъ-хулиганъ, разнузданно нелѣпо
Поэту радости швырнулъ плевокъ въ лицо,
И только на рукѣ, какъ утреннее небо,
Сіяло мудростью индійское кольцо...

Александръ Флитъ.

Гис. Б. Антоновскаго.

ВОДА НА МЕЛЬНИЦУ.

Михаэлисъ: — Что вы такой радостный, ваше величество?

Вильгельмъ: — А я вамъ такъ скажу: если бы не было на свѣтѣ русскихъ большевиковъ — ихъ надо бы было выдумать!

Т Р А М В А Й.

(Цынные мысли по пустяковому поводу.)

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Стоя у остановки трамвая, я пропустилъ десять вагоновъ: всѣ они были переполнены.

Отъ нечего дѣлать я принялся разглядывать публику, набивавшую трамвай, висѣвшую на подножкахъ, отдѣльныхъ лицъ, зацѣпившихся сзади за какую-то кишку и даже искусниковъ-эквилибристовъ, стоящихъ одной ногой на крохотной гайкѣ, ввинченной внизу наружной стѣнки, а рукой держащихся за выступъ оконной рамы.

Отъ безцѣльнаго разглядыванія публики я перешелъ къ болѣе систематическому наблюдению за ея свойствами и составомъ. Путемъ анализа, путемъ разложенія трамвайной публики на ея составные элементы я вывелъ слѣдующее заключение:

$\frac{1}{5}$ всей трамвайной публики — штатскіе обоюга пола.

$\frac{4}{5}$ трамвайной публики, — солдаты одного пола, именно сильнаго.

Сильнаго потому, что эти мужественные люди давили и тискали жалкія крохи затерянной среди нихъ штатской публики съ большой стратегической сноровкой и чисто военнымъ искусствомъ.

Наблюдая ихъ умѣлыя бравыя эволюціи, я только теперь оцѣнилъ мнѣніе иностранныхъ военныхъ авторитетовъ, что «русскій солдатъ въ военномъ отношеніи одна изъ лучшихъ боевыхъ единицъ».

У меня пылливый умъ, и мнѣ было скучно въ бездѣятельности ждать свободнаго трамвая. Поэтому я погрузился въ размышленія и статистическія вычисленія.

— Въ Петроградѣ народонаселенія два съ половиной милліона, — сообщилъ я самъ себѣ. — Большинство этого народа ѣздитъ въ трамваяхъ. Теперь: если $\frac{4}{5}$ всей ѣдущей въ трамвай публики солдаты и только $\frac{1}{5}$ штатскихъ, то что мы получимъ? А то, что въ Петроградѣ живетъ два милліона солдатъ и полмилліона остальной публики.

Эти гигантскія цифры такъ поразили меня, что я безхитростно подѣлился ими съ незнакомымъ мнѣ товарищемъ по ожиданію свободнаго трамвая.

Онъ отнесся къ моему сообщенію скептически.

— Что вы за вздоръ говорите! Два милліона солдатъ въ Петроградѣ! Ихъ и сотни тысячъ не наберется!

— Однако, разъ четыре пятыхъ публики въ трамвай — солдаты, значить и общее количество солдатъ, умноженное на...

— Ничего не умноженное. Я вамъ говорю, что ихъ не больше ста тысячъ. А только дѣло въ томъ, что они, эти сто тысячъ, цѣлый день ѣздятъ въ трамвай, — вотъ и кажется, что ихъ много.

— Какъ цѣлый день? А... утромъ?..

— Они ѣздятъ въ трамвай.

— А... вечеромъ?

— Въ трамвай. ѣздятъ.

— Но когда же они ѣздятъ?

— Они ѣздятъ въ казармы обѣдать — въ трамвай же, а пообедавъ, бѣгутъ къ трамваю, садятся въ него и опять ѣдутъ.

Я удивился.

— Но вѣдь это очень хлопотливо.

— Ничего не подѣлаешь, — военная служба.

— Значить, они всѣ ѣдутъ по военной надобности?

— Нѣтъ, по штатской.

— То есть?

— Кто въ кинематографъ, кто на Невскій, а большинство доѣзжаетъ до конечнаго пункта трамвая и потомъ, ѣдетъ обратно.

— Но вѣдь это имъ должно стоить большихъ денегъ, — встревожился я. — Правда, имъ прибавили жалованья, но...

— Тю на васъ! Они ѣздятъ въ трамвай бесплатно.

— Почему?!!

— Завоеваніе революціи.

— Какое странное завоеваніе. Послушайте... А мнѣ нельзя тоже немножко бесплатно поѣздить въ трамвай?

— Что вы! Съ какой радости? Они, солдаты, значить, свергли царизмъ, они дали Россіи свободу.

— Что вы говорите! Но вѣдь я тоже помогать свергать царизмъ, я тоже, знаете ли, боролся за свободу. Мало ли мной было написано статей и фельетонныхъ противъ стараго режима. Меня даже штрафовали за это.

— Такъ чего жъ вы хотите?

— Тоже бесплатно ѣздить въ трамвай. Не знаю, — можетъ быть, это нескромность, но мнѣ кажется, что я для революціи сдѣлалъ больше, хотя бы вотъ того молодого низколобаго, плохо одѣтаго солдатика, который пускаетъ дымъ папиросы дамѣ подъ шляпку. А разъ я сдѣлалъ больше его для революціи, почему онъ ѣдетъ бесплатно, а я нѣтъ.

— Гм... Не знаю. Обратитесь въ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, — можетъ быть, вамъ и разрѣшатъ.

— А все-таки породская дума очень великодушно сдѣлала, что въ ознаменованіе завоеванія революціи дала солдатамъ право бесплатнаго проѣзда.

— Что вы!.. Она вопить, какъ зарѣзанная. Она говоритъ, что солдаты ее, думу-то, разоряютъ, она плачетъ, что трамвай въ этомъ году даетъ недоборъ въ нѣсколько милліоновъ, она даже недавно потребовала отъ военнаго министерства возврата этихъ набѣзженныхъ солдатами денегъ!

— Военное министерство, конечно, вернуло деньги?

— И не подумало. Оно заявило: «какое намъ до этого дѣло, разъ солдаты ѣздятъ не по военнымъ, а по своимъ надобностямъ».

Мы, понуренные, стояли плечо-къ-плечу и молча долго слѣдили за уносившимися отъ насъ переполненными вагонами.

— Скажите, — освѣдомился я. — У нихъ только бесплатный трамвай, — завоеваніе революціи или и другія бесплатныя штуки?

— То есть?

— Да вотъ, я недоумѣваю: почему только одинъ трамвай? Однимъ трамваемъ сытъ не будешь. Разъ они завоевали намъ революцію, почему бы имъ не ходить бесплатно и въ театры и въ кинематографы.

— Не знаю... Гм! Вѣроятно, не догадываются.

— Да, странно. Вѣдь, скажемъ, шоколадныя конфеты. Тоже пріятная вещь. Еще болѣе пріятная, чѣмъ трамвай. Почему бы солдату, какъ завоевателю революціи, не заходить изрѣдка въ конфетный магазинъ и не брать себѣ фунтика-другого шоколада?..

— Что вы? Тогда бы для обыкновенной штатской публики шоколаду совсѣмъ не хватило.

— Позвольте! А сейчасъ вѣдь тоже: штатской публикѣ не хватаетъ трамваевъ, — однако, ничего?

— То трамвай, а то шоколадъ.

— Тѣмъ болѣе! Вѣдь трамвай — предметъ первой необходимости, а безъ шоколада штатская публика могла бы и обойтись... Ну, будемъ логичны: почему трамвай, — награда за революцію, а сотня папиросъ — не награда за революцію? Почему участокъ Финляндскій вокзалъ — Литейный — Владимірскій можно бесплатно проѣхать, а нельзя взять бесплатно въ галантерейномъ магазинѣ полдюжины фильдекосоваго бѣлья? Почему трамвай больше награждаетъ за революцію, чѣмъ хорошій провѣсной балыкъ отъ Елисѣева или коробка омаровъ, соусъ провансаль? Почему никто не догадался устроить анкету среди солдатъ? Можетъ быть, ему трамвай уже опротивѣлъ, можетъ быть, ему уже надоѣло носиться цѣлый день, какъ угорѣлому, безъ толку, по всему городу?! Можетъ быть, если «Союзъ распределенія наградъ за чужой счетъ завоевателямъ революціи»...

— Съ ума вы сошли?! — воскликнулъ мой собесѣдникъ. — Такого и союза нѣтъ!

— Какъ нѣтъ? Нѣтъ, такъ долженъ быть! Это дѣло нужно упорядочить! Вотъ я и говорю: «Союзъ распределенія наградъ за чужой счетъ завоевателямъ революціи» долженъ разнообразить эти награды: нынче трамвай, завтра всѣ солдаты получаютъ по тысячѣ папиросъ, черезъ недѣлю имъ предоставляется заборъ изъ мануфактурныхъ магазиновъ разныхъ матерій въ любомъ количествѣ, мѣсяцъ они могутъ пользоваться гастрономіей и колониальными товарами, парфюмеріей, косметикой, театральными зрѣлищами, «дворянскими банями» и увеселительными поѣздками на южный берегъ Крыма!! Я васъ спрашиваю: чѣмъ трамвай лучше перваго ряда на «Фауста» съ Шалапинымъ?! Гдѣ логика?

Насъ окружили другіе штатскіе, дождавшіеся трамвая.

Когда я замолчалъ, усталый, одинъ изъ нихъ взялъ меня за руку, наклонился ко мнѣ и сказалъ предостерегающе:

— Тсс... — поворите о чемъ угодно, но забудьте логику.

— Почему?!

— Потому, что логика въ наше время, — контръ-революціонна!

Арк. Аверченко.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СТЯГИ.

«Въ Орлѣ во время манифестаціи несли плакатъ: „Долой механика Ключева“.

(Изъ газетъ.)

Былъ день. Не знаю, кстатѣ ли,
Но вышли обыватели —
У каждаго плакатъ:
«Долой Иванъ Ивановича!»
«Долой Петра Степанъча!»
«Да здравствуетъ мой свать!»
Идутъ, идутъ почтенные,
И лозунги священные
Сверкаютъ, какъ кристалль:
«Долой купца Селедкина!»
«Долой портного Глоткина,
Что за штаны содралъ!!»
За ними — нѣкто съ лысиной
Несетъ плакатъ исписанный, —
Читайте, трепеща:
«Долой всѣ таксы новыя!
Да здравствуютъ дешевыя
Картошки для борща!!»
Чиновникъ съ кислой миною,
Узнавъ, что три съ полтиною
Ветчинка для жены,
Подъемлетъ предъ колбасною
Стягъ съ надписью опасною:
«Долой фунтъ ветчины!»
А фармацевтъ изъ Винницы,
Поживъ въ пыли гостиницы,
Гдѣ одръ и ветхъ и плохъ, —
Объятый гнѣвомъ пламенемъ,
Идетъ впередъ со знаменемъ:
«Долой двѣ сотни блохъ!!»
Лицо у протодьякона
Четвертый день заплакано,
Зане псаломщикъ Титъ
Шьетъ стягъ для посрамленія:
«Долой баса Арсенія,
Который пьетъ, какъ китъ!»
Сижу — гляжу въ пристраціи...
Вездѣ манифестаціи,
Но лозунгъ мельче тли.
Вотъ толпы миллионныя
«Долой сити копченныя!»
На стягахъ понесли...
Хоть не въ своей тарелкѣ я
Во дни плакатно-мелкіе,
Но стягъ и я несу.
На немъ безъ лишней гордости
Я вывелъ лозунгъ твердости:
«Долой прыщи въ носу!!»

Доль.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Когда одинъ кричитъ: „стрижено“, а другой „брито“, то это еще можно понять; вѣдь если коротко острижено, можно предполагать, что это брито, но плохо.

Какая-то платформа для соглашенія есть.

Но попробуйте примирить мнѣнія двухъ газетъ объ игрѣ одного и того же человѣка — г. Феона.

„Петроградскій Листокъ“:

Опытность, талантъ и вдумчивость выручили г. Феона изъ затруднительнаго положенія, и его герой даже больше жизнененъ, чѣмъ у г. Щавинскаго, который игралъ его недалекимъ мальчюмъ, кстатѣ и не кстатѣ повторявшимъ ничего не говорящую фразу — „Не хотите ли шоколадъ съ ликеромъ“.

„Обозр. Театровъ“:

Къ сожалѣнію, мы должны констатировать, что въ роли Бони онъ оказался совершенно не на мѣстѣ. Г. Феона всецѣло повторилъ Щавинскаго и не внесъ въ эту роль никакихъ новыхъ индивидуальныхъ чертъ. А копія всегда бываетъ хуже оригинала.

Тутъ ужъ не „стрижено“ и „брито“.

Одинъ говоритъ: „стрижено“, а другой: „Нѣтъ! Голова срѣзана по самый подбородокъ“.

Всѣ занялись своими личными дѣлами и всѣ и думать забыли о сѣверномъ полюсѣ...

Но не такой человѣкъ „Синій Журналъ“. Онъ обо всемъ подумаетъ. Подумалъ онъ и о сироткѣ сѣверномъ полюсѣ.

Цитируемъ замѣтку:

О нагрѣваніи сѣвернаго полюса.

Выдающіеся американскіе инженеры задумали измѣнить направление Гольфстрема и устройствомъ колоссальной плотины, отклонить холодное морское теченіе отъ Лабрадора. Тогда

Гольфстремъ шелъ бы своимъ первоначальнымъ направлениемъ по полярнымъ областямъ и своимъ тепломъ разрушалъ бы массу льдовъ. Больше сѣверныя части Америки сдѣлались бы умѣреннѣе.

Сѣверныя части Америки что! Онѣ, пожалуй, и сдѣлаются умѣреннѣе... Но сдѣлается ли умѣреннѣй „Синій Журналъ“, ухитрившійся даже сѣверный полюсъ нагрѣть.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗЕМЕЛЬНАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ ИЛИ ТЫРБАНКА СЛАМУ.

Какое странное выраженіе, читатель... А?

— Тырбанка сламу.

Вы даже забыли, навѣрное, гдѣ его встрѣчали.

Разрѣшите напомнить:

— «Петербургскія трущобы» Крестовскаго.

Это тамъ неоднократно встрѣчается фраза изъ воровскаго жаргона «Тырбанка сламу», «сламъ тырбанять».

Означаетъ она:

— «Дѣлежъ награбленнаго».

Недавно сдѣлалось извѣстнымъ, что крестьяне Шадринскаго уѣзда постановили въ ознаменованіе и въ благодарность за полезную дѣятельность бывш. министра земледѣлія Чернова поднести ему участокъ земли изъ того количества, которое отобрано шадринскими крестьянами у кн. Волконскаго.

Въ газетахъ эта телеграмма ПТА было озаглавлена блѣдно и сѣро:

— «Благодарность крестьянъ Чернову».

Нѣтъ, не благодарность это!

Это вещь болѣе сложная, и въ основѣ ея лежитъ историческая справедливость:

— Процентное отчисленіе за работу въ извѣстномъ дѣлѣ.

А по Крестовскому это звучитъ много проще:

— Шадринскіе мужички и Черновъ послѣ своей грабительской ночной работы «сламъ тырбанять».

Смотрите, Викторъ Михайловичъ, не засыпьтесь...

В.

Рис. К. Богуславской.

НОВЫЙ СПОСОБЪ БРАТЬ ВЗАЙМЫ.

— Нѣтъ ли у васъ тысячерублевки новаго образца?

— А зачѣмъ вамъ?

— Да я бы снесъ женѣ показать. Она никогда не видѣла. Покажу и верну... такъ, недѣльки черезъ двѣ.

ГОРДОСТЬ АРТИСТА.

Анархистъ: — Последняя приготовленная мною бомба это такое чудо искусства, что будь у меня любимая дѣвушка, я бы бросилъ свое твореніе къ ея ногамъ.

СЕРДЦЕ И НЕРВЫ.

Петроградъ, это — нервы Россіи,
Но они безнадежно плохи.
Истрепались ужасно они
Въ эти грозные, жуткіе дни.
А Москва, это — сердце Россіи,
Билось чутко когда-то оно,
Но не можетъ теперь всѣ стихіи
Сердце въ русло направить одно.
Мы стоимъ передъ грозной развязкой,
Но болѣзни не можемъ постичь
И слѣдимъ мы за сердцемъ съ опаской,
Чтобъ его не постигъ параличъ.

Юрій Zubовскій.

СТРАШНЫЙ СЛУЧАЙ СЪ ЦЕППЕЛИНОМЪ.

СТРАШНЫЙ СЛУЧАЙ СЪ ЦЕППЕЛИНОМЪ.
Летѣлъ цеппелинъ, надутый газомъ,
Пропеллера вертѣли лопасти,
Опытный капитанъ хищнымъ глазомъ
Въ головокружительныя глядѣлъ пропасти.
Были наготовѣ ужасныя бомбы,
Съ динамито-пироксилино-порохомъ —
Одну такую въ каменный домъ бы —
И разлетѣлся бы домъ съннымъ ворохомъ.

Капитанъ очень любилъ шпроты,
Съѣлъ ихъ дюжину за ужиномъ,
А теперь опредѣляя долготы и широты
Старался летѣть необнаруженнымъ.
Кротко звѣзды надъ землей повисли,
Но великая красота Божія,
Не смягчала капитановы звѣрскія мысли,
И злорадно кривилась рожа его.

Еще полчаса, и тогда нападу, моль,
Ужъ напакощу подлой Англии —
Такъ нѣмецкій капитанъ думалъ,
И плыль цеппелинъ, какъ черный ангель.

Капитану до совѣсти дѣла мало,
Онъ все валилъ на исторію,
Но въ это время звѣзды упали,
Чертя въ воздухъ траекторію.

Кому исторія, кому траекторія,
А цеппелину пришлось хуже всѣхъ,
Одинъ моментъ, и взрыву вторило
Потрясающее асмосферы эхо.

Звѣзда цеппелину попала въ животъ,
Пропеллеру сломала лопасти.
Злой капитанъ уже не живетъ,
А безгласно летитъ въ пропасти.

Прощай долготы, прощай широты!
Нравоученье для каждаго пилота:
Никогда не употребляйте на ужинъ шпроты
Во время рискованнаго полета.

Вальгаръ.

ГРОМЪ НЕ ИЗЪ ТУЧИ...

Троцкий: — Отъ имени крестьянъ, рабочихъ и солдатъ выражаю Временному Правительству недовѣріе!..

НАМЪ ПРИСЛАНО.

Въ г. Выборгѣ на главной городской гауптвахтѣ есть книга для записи арестованныхъ, содержащихся подъ стражей.

И вотъ въ этой книгѣ красуется такая страница:

На 29-е августа 1917 г.

Званіе, имя и фамилія.	Къмъ арестованъ.	Причина ареста.	На какой срокъ.	Время принятія подъ арестъ.	Когда кончится срокъ.	ОТМѢТКА ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ.
Генераль отъ кавалеріи Орановскій.	Предсѣдителемъ армейскаго комитета 42-го корпуса.	Неизвѣстна.	До распоряженія.	29/VIII 17 г. 4 час. 30 мин	—	Насильственно взятъ солдатами гарнизона и сброшенъ въ воду съ Абосскаго моста 29/VIII 17 г. въ 5 час. 5 мин.
Генераль-лейтенантъ Васильевъ.	Тоже.	Тоже.	Тоже.	То же.	—	То же.
Генераль-майоръ Степановъ.	Тоже.	Тоже.	Тоже.	То же.	—	То же.
Подполковникъ Кирениусъ.	Тоже.	Тоже.	Тоже.	То же.	—	То же.

Вотъ поистинѣ страшный документъ, который войдетъ въ исторію на ряду съ другими документами о великихъ злодѣяніяхъ.

На сухомъ разграфленномъ листкѣ официальной книги сама жизнь усмѣхнулась такъ страшно, что волосы шевелятся на головѣ:

„Отмѣтка объ освобожденіи“ и — „взяты и сброшены въ воду“ ..!

Да это настоящее освобожденіе! Освобожденіе навсегда — отъ всей официальной и неофициальной подлости, попустительства, лжи и подлизыванія къ „хозяевамъ положенія“.

Да будетъ вамъ, мученики, тамъ, въ мирѣ безтѣлесныхъ тѣней лучше, чѣмъ здѣсь среди живыхъ откормленныхъ подлецовъ!

ВЫРОЖДЕНІЕ ГРОМКИХЪ ФРАЗЪ.

Нѣкто, пойманный въ то время, какъ онъ вытаскивалъ у сосѣда кошелекъ:

— Не смѣйте меня арестовывать! Это будетъ ударъ въ спину революціи!

* * *

— Въ магазинѣ дамскаго бѣлья.

— ... Нѣтъ, моей женѣ нужны панталоны попроще, безо всякихъ аннексій и контрибуцій.

* * *

Въ ресторанѣ.

— Опять лакей притисалъ къ счету. О, взбунтовавшіеся рабы!

* * *

Въ виду того, что главу Правительства Керенскаго никто не слушаетъ, хотя онъ и обращается съ воззваніемъ «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!», мы предлагаемъ ему расширить этотъ способъ обращенія...

Такимъ образомъ, вотъ какъ долженъ составлять Керенскій свои воззванія:

Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!

Товарищи, товарищи, товарищи! Революціи, революціи, революціи, грозитъ, грозитъ, грозитъ, гибель, гибель, гибель. А потому, а потому, а потому, удирайте, удирайте, удирайте, въ Москву, въ Москву, въ Москву!

Рис. Груса.

АНТОНОВКА.

Серьезный гусь стоитъ на берегу.

Тамъ дальше, на луку —

Двѣ желтыя коровы,

Какой сегодня день — холодный и здоровый,

Похожъ на яблоко въ снѣгу.

Какъ будто радость льется ихъ хрустальной лейки —

Такая нѣжкость и такая тишь,

И вихремъ хочется промчатся по аллеякъ:

А вдругъ, — взлетишь!

Плывутъ по воздуху оранжевыя листья

И кроютъ землю золотомъ сухимъ,

Горятъ рябины коралловыя кисти

И дятель — этотъ старый мистикъ —

Считаетъ на соснѣ мои грѣхи.

Ихъ много: тридцать, сорокъ, сто.

Исаакій, сияя золотымъ крестомъ,

Мнѣ шлетъ прощенье.

И кажется, что въ этотъ день
осенній,

Который такъ похожъ на яблоко
въ снѣгу,

И кажется, что въ этотъ день, —
такой холодный, чистый,

Одѣтый въ пламенные листья, —
Я душу свѣтлой сберегу.

Меня проститъ и этотъ гусь серьезный,

Простятъ коровы на луку,

И я прямехонько на небо при-
бѣгу,

И улыбнутся мнѣ — березы.

Лидія Лѣсная.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Ищутъ.

Для самосуда, или для разгрома чужой квартиры всегда можно тут же на мѣстѣ легко подыскать нужныхъ людей. Но если предвидится болѣе отвѣтственный постъ — хотъ шаромъ покати.

Мало людей въ Россіи.

Въ брянскихъ газетахъ больше двухъ мѣсяцевъ стояло такое объявленіе:

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Брянскій городской голова приглашаетъ лицъ, желающихъ занять должность начальника милиціи города Брянска, имѣющихъ образовательный цензъ не ниже средняго, пожаловать для личныхъ переговоровъ по сему вопросу въ помѣщеніе городской управы, въ присутственные дни и часы (отъ 10-ти до 2-хъ), по возможности въ кратчайшій срокъ.

Городской голова Н. Губинъ.

И еще смѣютъ говорить о безработицѣ!

Ходъ безъ пряника.

Не было ни одной лотереи-аллегри, гдѣ бы не фигурировало брилліантовое ожерелье, или, по крайней мѣрѣ, живая корова, въ качествѣ первой преміи.

Теперь ихъ мѣсто заняли новыя цѣнности, и въ Витебскѣ появилась такая афиша о лотереѣ

ЛОТЕРЕЯ-АЛЛЕГРИ

помимо обычныхъ цѣнныхъ вещей будутъ разыграны:

ЧЕТВЕРТЬ КУБА

БЕРЕЗОВЫХЪ ДРОВЪ,

15 фун. бѣлой муки, 15 фун. сахара,

1 мужскіе ботинки, 1 дамскія туфли.

Нѣтъ теперь такого человѣка, о которомъ можно было бы сказать: калачемъ не заманишь.

Не только въ Витебскѣ.

Сенсація.

Раньше Маріинскій театръ славился своими приказами „по командѣ“, напоминавшими не общеніе директора императорскихъ театровъ съ артистами, а разговоръ стараго боцмана съ матросами въ бурную погоду, послѣ шестой бутылки виски. Теперь

въ государственныхъ театрахъ идетъ, повидимому, самая рѣшительная демократизація.

За кулисами Маріинскаго и Александринскаго театровъ виситъ такое объявленіе, весьма важное, повидимому: „Объявляется къ свѣдѣнію, что въ мѣстный комитетъ Маріинскаго театра делегатомъ отъ артели плотниковъ, взаимно отказавшагося Семена Кириллова, избранъ Василій Яковлевъ“.

А наша слѣпая, безотвѣтственная печать опять проморгала эту глубочайшую реформу въ области искусства...

Ничѣмъ не интересуются!

Жить можно.

Раньше въ отдѣлахъ газетной „смѣси“ ежедневно помѣщались замѣтки о томъ, сколько зарабатываютъ американскіе миллиардеры. Теперь это потеряло свой характеръ нравоучительности.

Теперь лучше посмотрѣть въ общую хронику.

Автомобиль полковника Н. наѣхалъ на ломового извозчика и повредилъ ему телѣгу. Извозчику на починку телѣги пришлось потратить одинъ день, въ теченіе котораго онъ не работалъ, и онъ предъявилъ къ собственнику автомобиля искъ о возмѣщеніи ему убытковъ, понесенныхъ за проведенный безъ работы день.

Извозчикъ требовалъ уплаты ему средняго дневного заработка — 50 руб.

Владѣлецъ автомобиля усомнился въ дѣйствительности приведенной суммы.

Тогда извозчикъ представилъ суду расчетныя записки фирмъ, которымъ онъ развозитъ товары, и изъ нихъ выяснилось, что онъ, дѣйствительно, въ среднемъ, зарабатываетъ въ день не менѣе 50 рублей.

Если теперь какому-нибудь карьеристу предложить выгодный постъ, онъ навѣрное, откажется и предъявитъ, вмѣсто этого, самое скромное требованіе:

— Зачѣмъ эти почести? Я не люблю слишкомъ высокихъ постовъ! Посадите меня на подводу.

Есть еще чудо.

Говорятъ, что въ тревожные дни искусство умираетъ. Наоборотъ, во многихъ областяхъ оно такъ быстро шагаетъ впередъ, что лучше застрѣлиться.

Вотъ, что въ наше время продѣлать можетъ всего одинъ человѣкъ:

Часовъ около 11 вечера, въ биткомъ набитомъ вагонѣ трамвая, проходившемъ по Загородному пр., раздался негодующій возгласъ дамы, стоявшей внутри вагона и державшейся за кожаную висячую ручку: у нея съ протянутой вверхъ руки, бывшей на виду у всѣхъ, сняли золотые часы-браслетъ. Одновременно съ этимъ раздался крикъ на обѣихъ площадкахъ вагона: въ одно и то же время двое пассажировъ, стоявшихъ на разныхъ площадкахъ, обнаружили — одинъ, что у него вытащенъ бумажникъ, другой, — что у него вырѣзанъ, подъ застегнутымъ на всѣ пуговицы пальто, карманъ брюкъ и исчезъ кошелекъ съ деньгами.

И артисту — ни одного хлопка. Конечно, кромѣ двухъ-трехъ по головѣ въ комиссаріатѣ.

Жуткое.

Тема для мистическаго жизненнаго разсказа въ стилѣ Эдгара Поэ.

Во время засѣданія членовъ Вр. Прав. въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ Малахитовый залъ вошелъ человѣкъ, обратившійся къ одному изъ чиновниковъ съ вопросомъ: „Гдѣ здѣсь можно присѣсть?“ Потомъ начали спрашивать другъ друга, кто этотъ незнакомецъ, а такъ какъ никто изъ присутствовавшихъ на засѣданіи не зналъ знакомаца, то всѣ рѣшили, что онъ попалъ на засѣданіе Временнаго Правительства по ошибкѣ.

Одинъ изъ министровъ попросилъ тогда управляющаго дѣлами Временнаго Правительства указать незнакомцу на неумѣстность присутствія постороннихъ лицъ на засѣданіяхъ Правительства.

На вопросъ управляющаго дѣлами незнакомецъ отвѣтилъ:

Я — новый товарищъ министра продовольствія, Орловъ.

— Скажите, скажите... — весело отвѣчали члены Вр. Прав. подписывая указъ о его отставкѣ, — садитесь гостемъ будете..

— Я на большее и не рассчитываю, — хмуро бросилъ незнакомецъ.

Реальная опасность.

Хорошо еще, что въ провинціи.

Въ селѣ Маліевцы, Подольской губерніи сходъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе крестьянку за измѣну мужу-солдату. Приговоръ тутъ же днемъ въ присутствіи всего схода былъ приведенъ въ исполненіе.

Если бы въ крупномъ городѣ былъ введенъ этотъ суровый обычай, врядъ ли бы мы были долго окружены дамскимъ обществомъ.

Товарищи Михаилы.

Одна дама рассказываетъ сотруд. „Петрогр. Листка“

— Я, — говоритъ она, — возвращалась домой около 11 часовъ вечера. Подходить ко мнѣ человѣкъ, въ солдатской формѣ (солдаты ли онъ, — Богъ вѣсть!), останавливаетъ меня и спрашиваетъ:

— Сколько при васъ денегъ?

— 50 рублей...

— Отдайте мнѣ сорокъ.

Пришлось отдать. Взятшій поблагодарилъ и великодушно прибавилъ:

— Если къ вамъ подойдетъ кто-нибудь и будетъ требовать денегъ, скажите, что вы уже дали Михаилу...

Черезъ нѣсколько времени ко мнѣ дѣйствительно подошли два человѣка и задали буквально тотъ же вопросъ. Я сказала:

— У меня 10 рублей. Сорокъ рублей я уже отдала Михаилу.

Имя оказалось магическимъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, — раздалось мнѣ въ отвѣтъ. И я спокойно ушла.

Почему-то у насъ напрашивается параллель между этими сорока рублями изъ пятидесяти — и новымъ подоходнымъ налогомъ.

Буржуи такъ ограблены „революціоннымъ“ подоходнымъ налогомъ, что если будетъ введенъ еще какой-нибудь налогъ, буржуи, подобно вышеуказанной дамѣ должны заявить:

— Всѣ мои деньги уже забралъ Михаилъ.

По Чернову.

Аллегорическій „товарищъ Михаилъ“ работаетъ не только по подоходному налогу. Энергичное участіе принимаетъ онъ и въ земельномъ вопросѣ. Вотъ подробности разгрома въ Козловѣ:

Рис. Миссъ.

„Выяснилось, что въ бытность В. М. Чернова министромъ — при немъ остерегались обсуждать стратегическіе планы наступленія“.

ТАЙНОЕ ОТЪ ЧЕРНОВА ЗАСЪДАНІЕ МИНИСТРОВЪ ПОДЪ ЛЪСТНИЦЕЙ.

Громили говорятъ, что имъ ничего не будетъ, потому что они дѣйствуютъ на законномъ основаніи, по повелѣнію бывшаго министра Чернова, отъ котораго у нихъ, будто бы, имѣется „бумага“. Съ этой бумагой они обѣщаются разрушить всѣ хутора въ уѣздѣ. Подъ вліяніемъ слуховъ о бумагѣ Чернова настроеніе крестьянъ нашего края сильно приподнято.

Но „товарищъ Михаилъ“ поработалъ не только по аграрному вопросу. Въ арміи тоже видна его умѣлая опыт-ная рука:

Посланные изъ Козлова солдаты оказали полное содѣйствіе громиламъ. По прибытіи на мѣста погромовъ, солдаты обычно дѣлали залпъ изъ ружей вверхъ и потомъ сами кидались расхищать имущество.

Вотъ тебѣ и Керенское:
— Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ.

Пока онъ разливается курскимъ соловьемъ — „краса и гордость революціи“ превратилась въ обыкновенныхъ соловьевъ-разбойниковъ...

Желтый билетъ.

Өемиду мы привыкли представлять себѣ въ снѣжно-бѣломъ хитонѣ, строгую, съ вѣсами и мечемъ въ рукѣ и съ завязанными глазами.

Теперь у Өемиды другой видъ...

Она подоткнула хитонъ, сдернула съ глазъ повязку и, схвативъ за руку полупьянаго тылового солдата, пустилась съ нимъ въ залихватскій плясъ:

На процессѣ Сухомлинова къ зданію суда приходили вооруженные люди и били стекла.

Въ Кіевѣ судъ нѣсколько часовъ ожидалъ, пока на разбирательство дѣла не пожаловалъ обвиняемый. Но такъ какъ онъ пожаловалъ пьяный, какъ стелька, то предсѣдатель позволилъ себѣ спросить:

— Гдѣ это вы были, обвиняемчй?

— А вамъ какое дѣло? — отвѣчалъ обвиняемый.

Өемида пошла по рукамъ.

Въ томъ же Кіевѣ

присяжные оправдали большевика Дзевалтовскаго. Передъ приговоромъ зданіе суда было окружено вооруженными толпами солдатъ и большевиковъ.

По нашему мнѣнію, если дѣйствовать на чистоту, то Өемидѣ давно уже (со временъ большевиковъ у Кшессинской) слѣдовало бы выдать билетъ соотвѣтствующаго цвѣта на предметъ явнаго общенія съ интересными мужчинами Троцкаго типа.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой...

Отъ Өемиды не отстаютъ и Мельпомена. На спину ея взгромоздился сознательный театралный плотникъ и, помахая надъ ея головой обрывкомъ веревки отъ театральнаго занавѣса, скачетъ далеко, далеко, къ яркому пролетарскому солнцу:

Въ Маріинскомъ театрѣ „Донъ-Кихотъ“ перестали давать абонеентамъ изъ-за того, что плотники и рабочіе считаютъ для себя работу въ постановкѣ слишкомъ сложной и хлопотливой.

Репертуарный совѣтъ изъ дяди Миняя и дяди Митяя — это такое завоеваніе революціи, что дальше и завоевывать нечего.

ПРЕДГРОЗЬЕ.

Въ глухихъ подвалахъ ковались мечи
Передъ слѣпой исторической мезью,
Кто-то съ усмѣшкой шепталъ: «Молчи!»
Кто-то клялся оскорбленной честью.

Жирныя плечи запрягавъ въ плащи,
Темные люди шептались въ склепѣ:
— Скоро. Скоро. Чернь, трепещи,
Будутъ тебѣ — старья цѣпи.

А наверху на камняхъ площадей,
Точно въ какомъ-то хмѣльномъ хороводѣ,
Радостно плыли тѣни людей,
Шумно кричавшихъ о грозной свободѣ.

Только пророкъ, затерявшись въ ночи,
Робко взывалъ къ душамъ усталыхъ:
— Братья, братья, — тамъ палачи
Старья цѣпи готовятъ въ подвалахъ.

Братья, я слышалъ шопотъ стальной
Я васъ зову быть наготовѣ, —
А надъ шумливой и бѣдной страной
Призракъ плывъ неминуемой крови.

Арк. Буховъ

Рис. Миссъ.

ВЪ ГАРЕМѢ.

AQUA TOFFANA.

(Медико-санитарное изслѣдованіе.)

Пресловутый испанскій сапогъ святѣйшей инквизиціи, русская дыба или китайская пытка колоколомъ, всѣ эти веселыя развлеченія знатныхъ иностранцевъ, — кажутся чистѣйшимъ пустякомъ по сравненіи съ пыткой, устраиваемой ежедневной печатью. Я знаю, вполнѣ порядочныхъ людей, въ корнѣ подорвавшихъ свое здоровье и душевное спокойствіе усиленнымъ чтеніемъ газетъ; среди моихъ знакомыхъ имѣется нѣкій Эдуардъ Пинесъ, помѣшавшійся на этой почвѣ и нынѣ бѣгающій по Невскому проспекту, укутанный въ газетные листы. Несчастный мчится по тротуару, расталкиваетъ прохожихъ и кричитъ:

— «Дѣло Народа»... «Новая Жизнь»... «Русская Воля»... «Рабочій Путь»... Массу неприятностей за двадцать копеекъ!..

Я не буду подробно останавливаться на печальной участи другого моего пріятели, доктора Савельева, также помѣшавшагося на почвѣ слишкомъ усерднаго чтенія газетъ и однажды появившагося совершенно обнаженнымъ, въ одномъ пенснэ, на какомъ-то концертѣ-митингѣ и громогласно заявившаго:

— Ножъ въ спину революціонной демократіи!.. Буржуазная печать!.. Временное повышеніе цѣны на двадцать копеекъ!.. Опытная бѣлая кухарка ищетъ мѣста!.. Канцлеръ говоритъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи!.. Позоръ, позоръ!..

Я не стану утомлять васъ перечисленіемъ всѣхъ несчастныхъ жертвъ, умученныхъ газетными листами; слѣдуя завѣтамъ выдающихся социологовъ, я придерживаюсь строго субъективнаго метода.

Раннимъ утромъ я сажусь за чтеніе газетъ.

Счастливые люди съ крѣпкими нервами, напоминающими бычьи жилы, или добротные морскіе канаты, говорятъ, переносятъ эту операцію совершенно безболѣзненно. Мнѣ извѣстны даже случаи, когда молодой спортсменъ К., прочитавъ восемь утреннихъ газетъ, все же поѣхалъ на атлетическое состязаніе и, — какъ это ни странно, — получилъ первый призъ по тяжелой атлетикѣ. Мнѣ передавали также и другой случай, когда студентъ Ж. послѣ прочтенія шести утреннихъ газетъ немедленно сдѣлалъ предложеніе фельдшеру Н—ой, получилъ согласіе, и въ настоящее время эта чета счастливо живетъ, озабоченная призывомъ новобранцевъ 1937 года. По наблюденіямъ извѣстнаго профессора гигиены и санитаріи Адольфа Бибера, при ежедневномъ чтеніи трехъ газетъ, человѣческой организмъ быстро начинаетъ разлагаться; и въ настоящее время одинъ изъ выдающихся бактериологовъ работаетъ надъ изслѣдованіемъ функциональной зависимости между газетамъ и распространеніемъ чумы, чесотки и сапа.

Обычно я начинаю съ «Рабочаго Пути» и «Новой Жизни». Сопутствующіе симптомы: сильная головная боль, учащенный пульсъ, иногда головокруженіе и повышенная дѣятельность слизистыхъ оболочекъ. Изъ «Рабочаго Пути» я ежедневно узнаю, что Германія является вѣрнымъ союзникомъ Россіи; естественно, что, когда я начинаю перелистывать «Рѣчь» или «Русскую Волю», то мною овладѣваетъ законное чувство негодованія при чтеніи оскорбительныхъ выпадовъ по адресу нашихъ друзей и вѣрныхъ союзниковъ-нѣмцевъ. Согласитесь сами, что вопросъ о томъ, кто наши союзники и кто враги, вопросъ весьма важный и не безразличный для человѣка, интересующагося политической жизнью страны. Подобная же газетная разногласица вносить полнѣйшій сумбуръ въ ваши представленія. По мнѣнію «Рѣчи», «Русской Воли» или «Русскаго Слова» мы четвертый годъ ведемъ войну съ Германіей и Австро-Венгріей. «Рабочій Путь» или «Новая Жизнь» блестяще опровергаютъ это извѣстіе и документально доказываютъ, — какъ дважды два четыре, — полную необоснованность такого взгляда.

Эта неопредѣленность въ вопросѣ войны должна угнетающе дѣйствовать на самочувствіе.

Совершенно непонятенъ и двусмыслененъ вопросъ о шпионствѣ и провокаціи, также сильно подтачивающій здоровье ежедневнаго газетнаго читателя. Вы узнаете потрясающія подробности о карандашахъ Ганецкаго, о черносотенныхъ открыткахъ, найденныхъ у большевиковъ и

пр. Но въ то же самое время извѣстный русскій публицистъ Шурка, пишущій въ гельсингфорской газетѣ «Прибой» не только отрицаетъ все это, но категорически указываетъ, что Милоковъ, — крупный сахарозаводчикъ, Крапоткинъ, — комиссіонеръ по продажѣ аспирина, Церетели получилъ отъ союза кожевенныхъ фабрикантовъ два милліона рублей, Шурка заканчиваетъ свою статью страннымъ призывомъ: «Гоцлиберданы, собирайте чемоданы».

Конечно, послѣднее предложеніе, выраженное въ туманной и лаконической формѣ древне-греческихъ афоризмовъ, должно нарушить душевный покой.

Раскрывая кронштадтскія «Извѣстія», вы узнаете, что анархистъ Блейманъ очень недоволенъ тѣмъ, что «еще живъ Керенскій». Суворинъ въ «Новой Руси» требуетъ немедленнаго суда надъ Керенскимъ и очень озабоченъ мѣстомъ этого суда.

Съ другой стороны, «Дѣло Народа» требуетъ головы Савинкова и Корнилова, и вы беспомощно озираетесь среди этихъ противорѣчивыхъ требованій русской юстиціи.

Сильную тревогу вноситъ сообщеніе «Народнаго Трибуна», гласящее что «небезызвѣстный германскій шпионъ-большевикъ Ленинъ аа самомъ дѣлѣ вовсе не Ленинъ, а бѣлостокскій цадикъ Гульфвассеръ, родившійся въ 1723 году и пропавшій безъ вѣсти въ 1787 году». Съ дрожью вы беретесь за слѣдующій листъ; въ «Петроградской Газетѣ»: вы читаете: извѣстный американскій большевикъ, бывший президентъ Рузвельтъ (онъ же Розенфельдъ) организовалъ добровольческой кавалерійскій отрядъ для посадки на цепелины съ цѣлью бомбардировать Петроградъ, Рязань и Саратовъ.

Аккуратная стопка газетъ превратилась въ жеваную смятую массу. Вамъ холодно, васъ треплетъ лихорадка, а въ вискахъ стучитъ, словно кто-то большой и суровый даетъ затрещину, хаосу, — вы берете послѣднюю газету маленькаго формата съ подслѣповатымъ шрифтомъ:

«Диалектическое развитіе центростремительнаго сознанія массъ въ связи съ демократизаціей общественныхъ агрегатовъ и усиленіемъ пролетарской идеологіи»...

Строчки бѣгутъ передъ глазами, буквы пляшутъ танго, а обильные восклицательные знаки устраиваютъ причудливые хоробы. Холодно. Бьетъ ознобъ. Хорошо бы чаю съ ромомъ.

* * *

Не стану подробно останавливаться на интересныхъ статистическихъ данныхъ барселонскаго профессора Логоди-Безоніо, отмѣтившаго трагическую зависимость роста самоубійствъ отъ распространенія повременной печати; я обойду также молчаніемъ интересныя подробности изъ книги извѣстнаго шотландскаго гинеколога профессора эдинбургскаго университета Макъ Дудлингса, указавшаго, что дѣти лицъ, регулярно читавшихъ газеты, рождаются часто съ ярко выраженными признаками микроцефалии и идиотизма; недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ также коснуться и трудовъ извѣстнаго гигиениста профессора будапештскаго университета Кузика, отмѣтившаго причинную зависимость между газетами и распространеніемъ сапа у лошадей.

Вопросъ достаточно ясенъ и безъ свидѣтельства этихъ выдающихся медицинскихъ свѣтилъ. Я позволю себѣ закончить свой очеркъ только одной цитатой изъ сочиненія извѣстнаго врача Анри Кудиша:

«Газеты дѣйствуютъ медленно, но вѣрно; при ежедневномъ употребленіи результаты оказываются очень быстро, и хотя газеты негодны для быстрого умерщвленія, но при регулярномъ приѣмѣ, ихъ дѣйствіе равносильно самымъ сильнымъ токсинамъ».

* * *

Ссылаясь на вышеприведенное мнѣніе медицинскихъ авторитетовъ, считаю своимъ долгомъ оповѣстить прокуровскій надзоръ о систематическомъ покушеніи на жизнь гражданъ и о личномъ посильномъ участіи въ этомъ преступленіи, предусмотрѣнномъ соответствующими статьями Уложенія о Наказаніяхъ (Св. Зак. т. XV, изд. 1885 г.).

Бор. Мирскій.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Кук—ку. — Неподдѣльная грусть, которой проникнуты ваши стихи, все-таки не оправдываетъ нѣкоторыхъ дефектовъ:

... Прощай, о Рига ты родная —
Тебя ли посѣтю (?) я вновь?..
И мысля я — пѣвецъ твой пылкій
Увижу ли свои (?) могилки.

Верхъ запасливости: живой человекъ обзавелся могилкой — и даже не одной, а нѣсколькими.

Только что собрался, какъ говорится, зажечь своимъ домкомъ, анъ пришли нѣмцы и все испортили.

Стихи не подходящи.

Недоходя-пройдя, № 1047.) — Незвѣстный „поклонникъ“ обращается къ редактору въ нѣсколько фривольномъ, не оправдываемомъ взаимоотношеніями тонъ:

„Милѣйшій Арк. Тим.!

Какъ вы поживаете? Много ль наживаете?“

Нѣтъ, немного. Благодаря такимъ веселымъ людямъ, какъ вы, нажито только разлитіе желчи.

Радъ подѣлиться львиной долей.

А. Пуцьковичу. — Цвѣты невиннаго юмора:

„Одного господина, который поссорился съ женой, спросили:

— На комъ вы женаты?

— На хамкѣ-съ.

— При чемъ тутъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ?“

И подумать, что если бы царь въ свое время разрѣшилъ именно ваться Нахамкесу Стекловымъ — всѣ эти изящныя остроты пропали бы въ неизвѣстности!

А, можетъ быть, тогда Пуцьковичи острили бы такъ:

— Зачѣмъ вы разбили въ окнѣ этихъ Стекловъ?

— Ахъ, при чемъ тутъ институтъ красоты?

Тонкая штука умъ человѣческій.

Б. Провинція.

Ирбитъ, графу Мендоза. — Неинтересно.

Ave.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со вклада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко

Подходцевъ и двое другихъ.

Цѣна 3 руб.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 2 руб.

О маленькихъ—для большихъ.

Цѣна 2 р. 50 к.

Для выздоравливающихъ.

Цѣна 2 руб.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 2 руб

Чудеса въ рѣшетѣ.

Цѣна 2 руб.

Караси и щуки.

Цѣна 75 коп.

Тэффи:

Ничего подобнаго.

Цѣна 3 руб.

Дымъ безъ огня

Цѣна 2 руб.

Аркадій Буховъ.

Чортово колесо.

Цѣна 1 р. 50 к.

Жуки на булавахъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Тихія неприятели.

Цѣна 2 р. 50 к.

Юрій Слезкинъ.

Повѣсти о странностяхъ любви.

Цѣна 1 р. 50 к.

Читайте журналъ

≡ Б А Р А Б А Н Ъ ≡

Продается у всѣхъ газетчиковъ.

В71-92-5366/43

П-2008.ф.

Л

306

НЧЗ

1917N40

Рис. А. Радакова.

НЕ СУЛИ ЖУРАВЛЯ ВЪ НЕБЪ!..

А пока сознательный товарищ виталь въ облакахъ -- на землѣ происходило вотъ что